ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ, РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И КОНЦЕПЦИЯ НЕЗАПАДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

А.Д. Воскресенский

Задачи, стоящие перед модернизирующейся Россией, не уникальны. Другие страны решали их раньше, правда, по-своему и в другой последовательности. То есть пути решения этих не уникальных по отдельности задач являются уникальными для каждой страны из-за ее специфики. Развитые страны Запада прошли путь модернизации и трансформации от традиционного к индустриальному обществу и завершили или завершают переход к постиндустриальному. Сумели сделать это и некоторые страны Востока. Другие страны только начали движение по этому пути, а некоторые никак не могут даже вступить на него. Следовательно, существуют разные (успешные, проблемные или неуспешные) пути модернизации социально-экономической системы, которые приводят или не приводят к успешному завершению процесса модернизации. Интересно, что некоторые страны Востока, который в целом вступил на этот путь позже, чем Запад, сумели предложить свой путь, не равнозначный западному, т.е. не равнозначный вестернизации, и сохранили свою культурно-цивилизационную специфику, обогатив опыт мирового развития. Именно им и удалось догнать Запад.

Опыт этих стран Востока чрезвычайно важен для России, которая, осознав в целом необходимость рационального решения социально-политических проблем, отражением чего служит дискуссия о суверенной демократии и оптимальном экономическом и политическом устройстве нашего общества (спор об изменении конституции, третьем сроке для президента, увеличении президентского срока, концепции суверенной демократии, сверхуправляемой демократии, имитационной демократии, 44-летнем цикле базисной основы политического режима

дуумвирата, необходимости трансформации и даже изменения политической системы), только вступает на путь научного конструирования модели развития, ориентированной на осовременивание и, одновременно, плодотворно и рационально использующей опыт других стран.

Принципы сравнительного анализа политических систем

Прежде чем перейти к проблеме осмысления эволюции политических систем и конкретному анализу восточных политических систем во всей его сложности и многоплановости, необходимо определить методологические позиции, которые структурируют логику анализа и дают возможность строить практические построения и делать выводы прикладного характера. В этой связи нам предстоит определить следующие вопросы:

Каковы методологические подходы к общественным явлениям и как соотносится системный анализ политических процессов с компаративистским?

Как определять сравнительный метод вообще, а также в широком и узком смысле в частности; каковы могут быть методологически корректные типы сравнений и соответственно какова аберрация выводов при методологически неправильной постановке вопроса, как эта аберрация может быть связана с проблематикой корректного компаративного анализа политических систем?

Есть ли и в чем смысл «пространственного» анализа материала в связи с региональной спецификой и каким образом пространственно (т.е. «спатально», используя политологический термин) группировать «незападный»/«восточный» материал при его анализе и изложении?

Как в этой связи определить соотношение общих и специфических (региональных/страновых закономерностей) в рамках системно-сравнительного подхода и какова может быть связь соотношения общего и специфического в проблематике политических систем, а соответственно каково влияние этого соотношения на результаты и скорость модернизационных процессов?

Как конкретно сформулировать специфику обществ незападного и восточного типов (как части незападного типа) в отличие от западных?

Каким образом углубить понимание механизмов функционирования политических систем восточных обществ, какова степень практической применимости подобного понимания и как можно вычленивать модели незападной, в том числе и азиатской, демократии на основе этого понимания?

Системный подход к обществу и политике

Системный подход становится достоянием политической науки с середины 50-х годов XX в. Очевидно также, что многие из положений политической науки, которые относятся к системному подходу, были разработаны и раньше. Однако особенно широкое распространение системные идеи получили после выхода работ классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в которых политическая система рассматривалась в виде определенной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов» в соответствии с базовыми идеями кибернетики¹. Соответственно Т. Парсонс и Д. Истон стремились создать комплексную теорию социетального действия, где политическая система, представленная в виде «черного ящика», внутреннее устройство которого было не так важно, развивалась по определенным правилам, а все остальное являлось политической средой, с кото-

рой взаимодействовала политическая система.

Одновременно исследователи определили, что общественные (и политические как их составная часть) науки имеют свою специфику — прежде всего по своему характеру они исследуют политические, т.е. часть социальных, отношения, а значит, это в целом — социальные системы. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен по аналогии с анализом моделей механических систем. Эти системы, как правило, принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т.е. в таких системах часто сложно провести четкую границу, а соответственно и подвергнуть анализу систему в отрыве от среды, и наоборот. Пространственные границы таких систем носят вполне условный характер. Они представляют собой не просто некоторые аналитические объекты, а конкретные связи между реально существующими социальными (и политическими) общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системной организации. Еще одна особенность политической системы отношений и составляющих ее частей связана с тем, что ее основные элементы представлены социальными (политическими) общностями (включая отдельных индивидов), т.е. они являются социальными системами особого типа со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов.

Если излагать «скучные» и абстрактные методологические построения популярным языком, то их «методологическая квинтэссенция» будет достаточно проста: в разных системах разные институты могут выполнять схожие функции; в разных системах схожие институты могут/будут выполнять разные функции. Если оттолкнуться от этого методологически корректного положения, можно найти интересные объяснения сложности построения теорий так называемого демократического транзита, современной политической жизни разных стран и прийти к интересным выводам, имеющим далеко иду-

¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997; Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология политической мысли. Т. 2. М., 1997.

щие практические политические последствия. В частности, такая методологическая постановка вопроса предполагает, и уж точно не исключает того, что к построению свободного, демократического, эффективного и экономически процветающего общества можно прийти путем, уникальным (специфичным) для данной социально-политической системы, на основе понимания общих моделей трансформации, учитывающих структурную специфику данной конкретной системы, в частности специфику ее культурно-исторических параметров и автохтонных культурных/исторических/конфессиональных установок.

На основе расширительного толкования сравнительного метода Г. Питерс удачно выделил пять типов сравнительных исследований:

- сравнительное исследование одной страны;
- сравнительный анализ сходных процессов и институтов группы стран;
- сравнение типологий и классификаций как стран и групп стран, так и внутреннего устройства их политических систем;
- статистический, либо описательный анализ данных группы стран, объединенных по географическому признаку или на основе сходности путей развития, где подвергаются проверке гипотезы, построенные на основе анализа взаимоотношений переменных, взятых из группы стран-образцов;
- статистический анализ всех стран, в основе которого лежит попытка выделить модели, либо взаимоотношения в рамках политических систем всех типов².

Таким образом, в современной англосаксонской традиции сравнительной политологии, являющейся ведущей в современной мировой политической науке, сегодня четко прослеживается тенденция, суть которой заключается в том, что широкий статистический кросс-страновой анализ не является единственным типом сравнительных исследований.

² Peters B.G. Comparative Politics. Theory and Methods. N.Y. : Palgrave, 1998. P. 10.

То есть исследователь должен взвесить все «за» и «против» различных подходов. Соответственно с этой точки зрения иногда полезнее «опуститься в глубь» одного национального государства, на субнациональный уровень, для того чтобы проанализировать, что отличает политическую систему одного государства от политической системы другого. То есть качественная интерпретация не теряет своей ценности.

Кроме того, сравнительному анализу может подвергнуться одна и та же «единица», но в разные временные отрезки, т.е. возможен и кросс-временной (кросс-темпоральный) анализ одного государства (страны) либо даже политического института «внутри» национального государства. Такой сравнительный анализ может показать, каким образом меняются социальный и культурный типы внутри одной политической системы. В такого рода сравнительных исследованиях качественные методы анализа действительно превалируют над количественными, на что и указывал Ч. Рэгин. Главное при таком подходе — методологическая корректность самих выводов из проделанного анализа и комплексность подхода.

Анализ политического на Востоке и на Западе: общее и особенное

Обозначив изначальное отличие незападных обществ от западных, на основе которого можно попытаться выписать специфику незападного политического процесса, мы должны сначала попытаться определить системную специфику восточных обществ как части незападного мира³. Сделав это и определив корректные методы сравнения политических систем обществ разных типов, мы сможем проследить эволюцию политических систем Востока, наметить пути к определению региональной специфики и вычленив определенные модели базисной идеологии в отношении определенных типов политических систем и политиче-

³ Пути к этому были намечены Л. Паем. См.: Pye L., Pye M. Asian Power and Politics: The Cultural Dimension of Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

ских процессов. Такой анализ может показать специфику политической культуры государства, в частности и России, и объяснить, как специфика политической культуры может влиять на специфику политической системы. Отсюда: смена власти при недостаточной трансформации социально-экономических структур может привести или к воспроизводству старой системы в модифицированном виде, или же к результатам, которые не прогнозировались в процессе смены власти.

Надо сказать, что региональная специфика хорошо вычленяется при анализе дихотомического типа (Запад/Восток), хотя само дихотомическое противопоставление такого типа имеет только аналитический и частично интуитивно-прикладной смысл.

Прежде всего обозначим два подхода к выявлению специфики незападных/восточных обществ, которые позволят нам определить специфику их политического процесса. Эти два подхода сегодня достаточно детально проработаны отечественным востоковедением. В соответствии с первым подходом доантичные западные и восточные политические структуры были идентичны. Начиная с Античности произошло разделение политических структур на два типа: западные и восточные. В обществах западного типа:

— структурирующий характер имеют рыночно/частнособственнические отношения;

— там доминирует товарное производство;

— там отсутствует централизованная власть;

— соответственно там существовало демократическое самоуправление общины, которое впоследствии переросло в структуру, которая в сегодняшних западных обществах получила название «гражданского общества»⁴.

⁴ В западной политической науке классическим выразителем этих взглядов является Д. Ландес (Landes D. *The Wealth and Poverty of Nations*. L. : Abacus, 1998). Наиболее ярко и четко, но по-другому, чем Д. Ландес, в отечественном востоковедении эти положения были сформулированы Л.С. Васильевым

В соответствии с этой концепцией общество такого типа было подвержено достаточно быстрым структурным модификациям, что вызывало его быструю эволюцию в сторону обществ высококонкурентного типа с точки зрения функционирования политической и административной системы.

В обществах второго типа — восточных — не было господствующей роли частной собственности, а доминировала общественная и государственная собственность (т.е. власть была эквивалентна собственности, и наоборот, в то время как в обществах западного типа со времен Венецианской республики произошло разделение собственности (денег) и власти, которая могла быть «просто» наемной, а ее главной функцией являлась функция управления). В восточных обществах не было норм права, которые защищали частнособственнические отношения (римское право), там превалировала государственно-общинная форма ведения хозяйства, и государство в силу этого доминировало над обществом, а не наоборот. При этом, хотя общество и создавало альтернативные структуры противостояния государству/власти (семья, клан, община, каста, цех, секта, землячество и др.), но они своей определенной частью были вписаны в систему государства (кастовый состав государственных институтов в Индии; клан, землячество в Китае, руководитель которых был тесно связан с государственной системой либо просто являлся ее низшей частью — особым чиновником). Общества этого типа в силу указанной специфики политической структуры всегда стремились к внутренней устойчивости, консервативной стабильности, в них закреплялось только то, что соответствовало нормам корпоративной/общинной этики, и они в силу этого постоянно воспроизводили политические структуры одного типа. В соответствии с объяснениями такого рода становилось понятно, почему восточные общества не становятся демократиями западного типа и что нужно сделать, чтобы они таковы-

(История Востока. Т. 1, 2. М. : ВЛ РАН, 1998 и другие его работы, включая создаваемую «Всеобщую историю»).

ми стали. В соответствии с этой логикой на Западе двигателем новаций, в том числе и политических, являлся индивид, который был гражданином-собственником, а на Востоке — община, которая принимала только то, что соответствовало нормам общинной/корпоративной этики или традиции, т.е. то, что соответствовало коллективному, а не индивидуальному/индивидуалистическому опыту.

Соответственно этим концептуальным положениям модернизация, т.е. приближение к современности, определялась как вестернизация, т.е. неизбежность движения всех государственных образований естественно-историческим путем в сторону западной модели развития⁵.

Однако в последние десять лет в востоковедной политологии и мировом комплексном регионоведении появилось альтернативное объяснение специфики восточных обществ⁶. В соответствии с этим пониманием особенности социального строя на Востоке определялись следующими параметрами:

- права индивида на Востоке существовали и охранялись только по отношению к другому индивиду, а права индивида по отношению к государству отсутствовали;
- собственность на землю на Востоке была разделена на две части, собственность на землю как на территорию с под-

властным населением (т.е. собственность на налог), которая находилась у правящего слоя, который одновременно составлял административный аппарат государства, и собственность на землю как на объект хозяйства, которая принадлежала землевладельцам и налогоплательщикам (т.е. крестьянам и помещикам одновременно).

Такая ситуация определяла наличие двух господствующих классов со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Исходя из этих условий, специфику обществ восточного типа можно определить следующим образом:

В обществах такого типа из-за перечисленных выше структурных причин существовала стойкая многоукладность, сопровождавшая весь процесс исторического развития.

В обществах такого типа всегда будут более длинные межформационные периоды (исторические эпохи, т.е. длительные полосы исторического развития, характеризующиеся более или менее устойчивым взаимодействием двух и более одновременно существующих общественно-экономических укладов).

В обществах такого типа всегда будет существовать сопротивление «культур-полуцивилизаций» (в терминологии Ф. Броделя), т.е. цивилизационная гетерогенность, где под цивилизацией понимается этап в развитии культуры, который включен в исторически определенную систему общественных отношений, несет в себе формационную специфику и вместе с тем последовательно накапливает культурно-политическое содержание.

Общества такого типа в силу своей этнической и культурной/цивилизационной гетерогенности нуждаются в институтах компенсации неоднородности населения и неравномерности развития этнической общины, а соответственно там гипертрофированную роль по сравнению с обществами другого типа играют государство и религия, функцией которых является централизаторская, цементирующая и унифицирующая роль в обществе⁷.

⁵ Подробнее о модернизации западного и восточного типа см.: Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

⁶ История Востока. Т. 1. Восток в древности / отв. ред. В.А. Яковсон. М.: ВЛ РАН, 1999; История Востока. Т. 2. Восток в средние века / отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М.: ВЛ РАН, 1999; История Востока. Т. 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени / отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян, Н.И. Иванов. М.: ВЛ РАН, 1999; История Востока Т. 4. Кн. 1–2. Восток в новое время / отв. ред. Л.Б. Алаев, М.П. Козлова, Г.Г. Котовский, О.Е. Непомнин, И.М. Смилянская. М.: ВЛ РАН, 2004, 2005; Социальный облик Востока / отв. ред. Р.Г. Ланда. М.: ВЛ РАН, 1999. В западной политологии сходные, но структурно абсолютно другие и гораздо более детальные, аргументы представлены Андре Гундер Франком (A.G. Frank. ReOrient. L. — Berkeley: U. of California Press, 1998).

⁷ Так, государственными являются религии в 32 странах Востока против 13 в других стра-

Кроме того, в обществах такого типа в силу как внутренних, так и внешних причин капитализм имел неоднородный и анклавный характер, что определило как экономическую, так и политическую специфику развития этих обществ⁸.

Если мы согласимся с таким определением политико-экономической специфики обществ восточного типа, то достаточно легко сможем выписать специфику политического мира в обществах западного и восточного (как части незападного) типов.

В обществах западного типа:

1. Основополагающим является принцип «технологического/технического» отношения к миру — к природе как к естественной среде и к обществу как к социальной среде, выраженной известным афоризмом «природа не храм, а мастерская, и человек в ней хозяин». Соответственно в обществах западного типа превалирует свободная, спонтанная, но рационалистическая воля индивидуума, которая не ограничена ни космическим, ни нравственным законом (мы свободны «вплоть» до свободы убивать друг друга — «философская» основа всех европейских войн). Естественно, что в современном мире этот тезис сильно трансформировался в ходе исторического развития. Статус индивидуума в таком обществе не гарантирован «порядком Вселенной», индивидуум в нем нонконформист. Такое общество основано на воле индивидуума, в нем нет места фатализму, как

нах мира. Ислам является государственной религией в Афганистане, Алжире, Бахрейне, Бангладеш, Брунее, Коморских о-вах, Египте, Иране, Ираке, Иордании, Кувейте, Малайзии, Мальдивских о-вах, Мавритании, Маврикии, Марокко, Омане, Пакистане, Катаре, Саудовской Аравии, Сомали, Судане, Тунисе, Объединенных Арабских Эмиратах, Йемене; иудаизм — в Израиле, буддизм — в Бутане, Камбодже, Шри-Ланке, Таиланде; индуизм — в Непале и «панчасила» (особый вид государственно-синкретической идеологии) — в Индонезии.

⁸ Подробнее аргументы представлены в: Ланда Р.Г. Цивилизация, формация и социум на Востоке. В кн.: Социальный облик Востока / отв. ред. Р.Г. Ланда. М.: ВЛ РАН, 1999. С. 15–28.

в обществах восточного типа, где нет случайных, спонтанных вариаций и все предопределено «ходом вещей». Западное общество является социентричной самодетерминирующей системой, оно не космоцентрично, как восточное. Природа и общество (человек) в нем конгломеративны, т.е. человек и природа не связаны в единое гармоничное, неразрывное целое, как в обществах восточного типа, природа может и должна преобразовываться, она должна «служить» человеку: на Западе человек всегда «преобразует» природу. Соответственно в обществах такого типа существует примат правового государства, в котором важна приемлемость социального поведения и универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы.

2. Общества западного типа основаны на принципе неопределенности, в них политика — игра, основанная на равенстве шансов и неопределенности конечного результата. То есть в западном обществе история открыта и негарантирована, она непознаваема, так как человек не знает ее конечных перспектив. В таком обществе нет объективной политической истины, истина в нем конвенциональна (принята по соглашению), соответственно в обществе должны быть определенный консенсус и признание точки зрения меньшинства⁹.

⁹ Эти положения связаны с идеями реформации Лютера, в соответствии с которыми не ясно, кого Бог определил к спасению (непознаваемость Божественной воли), существует одиночество совести (человек сам, без посредников, ищет путь к спасению), избранность подтверждается успехом практических повседневных начинаний (этика ответственной повседневности). Далее эти идеи были трансформированы и развиты А. де Токвилем, который говорил о демократии свободы (индивидуальная свобода выше равенства) и демократии равенства (неравных от природы нужно уравнивать, так как существует социальная справедливость). Соответственно конкурируют и взаимодополняют друг друга две модели — либеральная (существует свобода выбора, а человек спонтанно стремится к свободе и благополучию) и патерналистская (свобода должна быть ограничена властью, которая выступает как благонамеренный опекун народа) модели общественного устройства.

3. Общества западного типа основаны на атомарно-номиналистическом принципе, в соответствии с которым действует принцип гражданского договора (никто не может меня принудить к тем или иным общественным связям, которые действительны лишь в той мере, в какой индивидуум их добровольно принял как субъект равноправных отношений), из которого вытекают соответственно взаимобязательные отношения граждан с государством, а не односторонние обязательства подданных в отношении государства.

4. Общества западного типа основаны на принципе разделения властей, при этом власть должна быть выборной, осуществляться большинством, но регулироваться обязательными конституционными правовыми нормами, при этом власть не может распространяться на определенные сферы частной жизни, а у меньшинства должны быть правовые гарантии, обеспечивающие его интересы. Соответственно власть должна быть легитимной (законодательная власть должна избираться народом), эффективной (исполнительная власть должна быть автономной), а судебная власть является независимой от первых двух (должно обеспечиваться подчинение как граждан, так и государства закону).

5. Западные общества основаны на системно-функциональном принципе, в соответствии с которым не так важно содержание элемента системы, как та функция, которую этот элемент выполняет.

6. В них существует принцип отделения ценностей от интересов, в соответствии с которым в области политики не решаются смысловые вопросы бытия, так как итоги политического соревнования не окончательны (через определенное, весьма короткое время можно будет снова законно прийти к власти), и во время этого соревнования (выборов) согласовываются практические (земные) интересы, по которым возможен, и даже необходим, компромисс различных политических сил.

7. Общества такого типа пропагандируют систему «открытого» типа («открытое общество»), где в идеале нет со-

словных перегородок, существует высокая социальная мобильность, отсутствуют «великие» коллективные ценности (т.е. главенствует принцип атомарности интеллектуальной деятельности), где национального суверенитета нет (или он постепенно сводится к минимуму) и существует принцип равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревновательности¹⁰.

В восточном политическом мире все перечисленные выше принципы в той или иной степени могут существовать, но они не являются главными. В обществах восточного типа основополагающими являются другие принципы, а именно:

1. Принцип воздержания от волюнтаристской активности (к примеру, знаменитая концепция древнекитайской политической философии у-вэй («недеяния») и ее сегодняшнее дэнсяопиновское воплощение «переходить реку, нащупывая камни», т.е. в восточном мире нет «деятеля» («преобразователя») в «западном» смысле этого слова (в исламском мире преобразовывать можно только *дар аль-Харб*, в сфере *дар аль-Ислам* ход вещей определяется Кораном), там человек следует ходу вещей, великому космическому закону (вспомним принципы организации войска, осуществляемые Наполеоном и Кутузовым, как они выписаны Л. Толстым в романе «Война и мир»), в соответствии с которым этика и ритуал слиты вместе, ритуал кодифицирует писанные и неписанные законы поведения, причем в области морали и этики творческие импровизации являются сомнительными. В этой системе социальное поведение должно быть предсказуемым, каждый должен ждать своего часа, идеал — патерналистская модель, основанная на отцовской опеке и соответствующей ей сыновней почтительности. Соответственно этим принципам политический процесс — не процесс производства власти, как на Западе, а вычленение и поддержка

¹⁰ Впервые в отечественной политологии эти принципы были удачно проанализированы А.С. Панариным. См.: Панарин А.С. Политология. Западная и восточная традиции. М.: Университет, 2000.

имманентного, естественного, устоявшегося, проверенного.

2. Восточные общества основаны на теократическом принципе, в соответствии с которым государство — постоянно мобилизованный носитель ценностей, нравственно-религиозных критериев, стремящихся контролировать все социальные практики. Такое понимание государства основано на восточной традиции, в соответствии с которой город есть воплощение государственной власти, а народ есть духовная общность, скрепленная традицией (т.е. общностью культурной памяти, обеспечивающей выживание) и надеждой на грядущее воплощение правды-справедливости. Соответственно на Западе город выступал как частно-гражданская альтернатива государственной власти и основа «гражданского общества», а государство было бесстрастным наблюдателем процессов, происходящих в гражданском обществе, вмешивающимся в его жизнь только в случае прямых беспорядков. В восточных обществах политическая власть должна ограничиваться и контролироваться духовной властью в «помыслах», т.е. высших ценностных ориентациях. Отсюда следует вера в сакральность всего земного пространства на Востоке и соответственно в необходимость осуществления принципа соборности (А. Хомяков), т.е. организации светского общества по принципу храмовой общины с иерархией священник/царь/пророк, обязательным посредником между человеком и Богом и имманентной сакрализацией власти.

3. В обществах такого типа действует принцип уравнительной справедливости, т.е. статус человека в обществе определяется скорее не происхождением, связями, деньгами, личными успехами, а служебным усердием. В соответствии с этим принципом административные территории внутри государства должны контролироваться верховной властью, должны в той или иной степени существовать центральное регулирование экономики и государственная монополия на недра.

4. Государства восточного типа основаны на принципе «священной справед-

ливости», т.е. государственность в них — мессианская, свобода не индивидуальна, а коллективна, это свобода народа, которая конструируется коллективно, у народа соответственно — коллективная судьба, коллективное призвание, нередко или почти всегда — под патронажем власти (нельзя спастись одному, можно спастись только всем вместе и под мудрым руководством правителя), государственность является сакрализованной, и она воспроизводится в локальных сообществах как высшая ценность¹¹.

В рамках этих двух подходов можно выписать дуалистическое противопоставление Востока и Запада:

По устройству мироздания

Запад — антропоцентричен. В центре мироздания такого типа общество стоит человек, который является властелином мира, подчиняющим природу и общество. Этот человек в политике использует технологии преобразовательно-модернизаторского типа. Восток — теоцентричен. В центре мироздания здесь — трансцендентная воля, которой подчиняется человек. Соответственно задачей человека является распознать эту волю и действовать в соответствии с ее принципами, распознать эту волю ему помогает светская власть, направляемая духовной «в помыслах», либо светская и духовная власти, слитые в единую сакральную целостность. Поэтому в политике можно использовать «мягкие» технологии, не нарушающие гармонии общества и природы, а также нравственных законов в самом обществе.

По ценностным ориентациям личности и общества

Запад ориентирован на материальные ценности, соответственно и общество стремится к всеобщему благоденствию, которое понимается прежде всего как «потребительский рай» при жизни. На Востоке приоритетны прежде всего духовно-религиозные ценности, а общество соответственно стремится развиваться в соответствии с нравственно-религиозными принципами, целью тако-

¹¹ Там же.

го развития является не столько и не только материальное благоденствие, сколько гармония и равновесие под патронатом сакральной власти.

По отношению к собственности

На Западе частная собственность и товарное производство ориентированы на рынок. На Востоке существует власть-собственность, при которой функции собственника опосредованы причастностью к власти.

По отношениям между светской и религиозной властью

На Западе произошло отделение церкви от государства и была провозглашена независимость политической сферы от нравственно-религиозной традиции. На Востоке политическая власть сакрализована (хотя степень этой сакрализации и может быть различна), религия освящает политическую традицию, в большинстве случаев / часто является государственной религией.

По шкале политического времени

На Западе существует ориентация на будущее, время — линейно, оно непрерывно убыстряет свой ритм. Восток ориентирован на вечность, там политическое время циклично.

По отношению человека к истине

На Западе существует рациональный путь постижения истины, т.е. человек признает истинным лишь то, что подвластно его уму и воле. Восток ориентирован на интуитивный путь постижения истины. Истина нужна, чтобы ей служить, она — само бытие, а соответственно не зависит от воли и ума индивида, определяется свыше и трактуется сакральными персонами.

По процессу познания мира.

На Западе процесс познания сводится к познающей активности субъекта, который исследует свойства объектов. На Востоке — процесс познания заключается в слиянии с объектом, его духовном постижении на интуитивном уровне.

Естественно, что такое дуалистическое противопоставление характерно прежде всего для традиционных восточных и западных обществ, в современных обществах оно становится все менее значи-

мым, процессы взаимовлияния в современном мире становятся значительно более значимыми. Так, начиная с XX в. явно наметилась тенденция к заимствованию некоторых из упомянутых принципов как Западом, так и Востоком, соответственно начал происходить процесс взаимовлияния и синтеза. В то же время в некоторых областях, прежде всего в политической культуре, а частично и в других (политическая система, экономика, менеджмент и др.), по определенным причинам синтеза и взаимовлияния не произошло, либо они начали происходить только в самое последнее время. В этой связи важно понять, какая часть обществ западного/восточного типа и каким образом осуществляет модернизацию догоняющую, копирующую западный опыт, а какая перешла к модернизации как к особому пути развития, альтернативному (но не противопоставленному) западному естественно-историческому типу, т.е. к модернизации эволюционного типа без социально-политической дискретности, выражающейся в отсутствии четких периодов взрывного (революционного) и стабильного (эволюционного) развития, и одновременно альтернативной мобилизационной модернизации социалистического/коммунистического типа, т.е. к модернизации, являющейся синтезом западного политического опыта демократии (принципа всеобщей выборности), конституционного либерализма и автохтонной политической культуры.

Оценка пространственной и аналитической системы координат

Разработанное и предлагаемое нами «пространственное» («спатильное») членение материала исходит из внутренней цивилизационно-географической и культурно-политической логики развития восточных стран, т.е. из определения международно-политического макрорегиона как привязанной к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, политических,

национально-культурных условий, служащих основанием для выделения) региональной совокупности явлений жизни, объединенных общей структурой и логикой, таким образом, что эта логика и историко-географические координаты ее существования являются взаимообусловленными. Такое определение региона как базового понятия мирового комплексного регионоведения позволяет расположить материал в определенной «пространственной» (или «спатальной», если использовать политологический термин) системе координат¹². Оно также помогает выявить, в какой степени историко-цивилизационные, этноконфессиональные и культурные особенности формируют специфику политической культуры и как они влияют на специфику эволюции и функционирования политических систем обществ определенного типа в разных регионах мира. Предложенное определение международно-политического региона хорошо соотносится с нашим «расширительным» его определением, в соответствии с которым под регионом в широком смысле понимается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-

культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию¹³.

Признание этих положений позволит нам дополнить (или точнее — наполнить) описание общих закономерностей функционирования политических систем региональной и страновой «плотью и кровью», т.е. конкретным анализом специфики политических систем и политических культур других стран и регионов мира во всей сложности их реального функционирования. Такой подход помогает понять, почему и как происходят успешные преобразования в обществах и к каким конкретным результатам это приводит в каждом конкретном случае.

Таким образом, анализ конкретного материала по данной проблематике должен начинаться с выяснения общих принципов построения типологии и форм функционирования политических систем¹⁴, далее можно переходить к исследованию общих характеристик политических систем разных государств регионов мира, типологизированных по разным критериям¹⁵, потом углубляться в анализ конкретной специфики функционирования незападных/восточных политических систем определенного типа в определенных регионах (т.е. в разных пространственных или «спатальных» разветках), а потом уже исследовать пути эволюции и возможной трансформации политических систем и их региональную / цивилизационную специфику, т.е. анализ материала должен строиться на пространственно-аналитическом

¹² Подробную аргументацию см., в частности: Воскресенский А.Д. Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений. В кн.: *Современные международные отношения и мировая политика* / отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 494–500; Воскресенский А.Д. Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений. В кн.: *Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений* / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002. С. 3–14; Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы). В кн.: *Восток — Запад — Россия*. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 141–144.

¹³ *Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений* / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2002. С. 9

¹⁴ Основная литература на русском языке по этой проблематике: Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. *Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор*. М.: Аспект Пресс, 2002; Эндрейн Ч.Ф. *Сравнительный анализ политических систем*. М.: Инфра-М/Весь мир, 2000; Сморгун Л.С. *Современная сравнительная политология*. М.: МОНФ, 2002.

¹⁵ Основная литература: Дербишайр Дж., Дербишайр Я. *Политические системы мира*. М.: Рипол классик, 2004; *Вся Азия. Справочник*. М.: АСТ-Муравей, 2003.

принципе, а не на превалировавшем ранее противопоставлении «спатриального» (пространственного) принципа «аналитическому». При этом очевидно, что, учитывая региональную/страновую специфику, мы неизбежно должны принимать во внимание три фактора, определяющие соотношение общего и особенного в современном развитии, т.е. мы должны определить:

— насколько велика дистанция, отделяющая сравниваемые страны от мировых лидеров, поскольку дистанция, которую нужно преодолеть, определяет последовательность постановки и решения задач политической модернизации;

— каково конкретное соотношение доминирующей идеологии, государственной политики и национальной стратегии развития в конкретном государстве;

— каковы особенности политической культуры сравниваемых стран, как они влияют на процесс складывания политической системы, какова роль традиции в политической культуре и как, напрямую или опосредованно, эти факторы влияют на траекторию развития страны¹⁶.

Таким образом, применяя пространственно-аналитический принцип и принимая во внимание факторы, определяющие соотношение общего и особенного в современном развитии, на наш взгляд, можно будет получить представление о специфике эволюции и функционирования политических систем Востока, не забывая об общих закономерностях, а знание общих закономерностей не будет исключать не только конкретного знания того, как функционируют политические системы конкретных стран Востока, но и специфики их функционирования. При этом полученные знания не будут оторваны от жизни, а могут быть достаточно легко применены в практической деятельности, т.е. показать пути и цели

трансформации и модернизации других обществ, отличных от западных или имеющих серьезную незападную специфику.

Сравнительный анализ восточной специфики политических систем и политического процесса: общие закономерности, региональная специфика и модели демократии

Действительно, политические институты трансформируются параллельно изменениям в производстве, расселении, уровне жизни, образовании, организации семейной жизни. Изменения в экономической жизни общества, вызванные процессами современного экономического роста, меняют требования к социально-политическим институтам, которые должны приспособиться к необходимости новой институциональной гибкости и генерированию инноваций. В традиционном обществе нужны были стабильность и сохранение традиций, а соответственно политические институты должны были обеспечивать сохранение традиций, обеспечивающей, в свою очередь, выживание. Именно поэтому до начала XIX в. большинство государств использовали форму абсолютной монархии. К началу XXI в. политические институты должны обеспечивать максимальную адаптивность к изменениям и генерированию инноваций, чтобы обеспечивать экономическую модернизацию, а потому практически все в той или иной степени используют политическое устройство, в основе которого лежит всеобщее избирательное право, без осуществления которого осовременивание (модернизация) невозможно, так как затруднено формирование политического консенсуса в обществе, без которого в современном мире невозможно быть конкурентным, а значит, гарантировать выживаемость и развитие своей нации. Таким образом, политическая модернизация определенных параметров социальных структур есть необходимая часть осовременивания, понимаемого как повышение конкурентоспособности наций и государств в новых, более современных условиях. С другой стороны, развитые рыночные демократии не

¹⁶ Можно сравнить с четырьмя положениями, сформулированными Е. Гайдаром. См.: Гайдар Е.Т. Долгое время. М.: Дело, 2005. С. 82–83, аргументация развернута в гл. 3. Однако, как будет показано ниже, система аргументации и выводы в данной работе другие.

отказались от своего традиционного политического устройства, даже если оно и представляет собой монархическую либо теократическую форму правления (к примеру, Великобритания, Ватикан), только ограничив ее таким образом, чтобы этот институт по форме обеспечивал соответствие традиции, но при этом не препятствовал осуществлению прямого избирательного права, многопартийности, системе разделения властей, и т.д., т.е. тем параметрам, которые и монархию позволяют называть демократией. Таким образом, не столько конкретный тип политической системы, сколько определенный тип политического устройства (политического режима, т.е. режима властвования) может быть назван демократией.

Следующий важный вопрос, который возникает в этой связи: каков диапазон разброса и степени осуществления необходимых и достаточных условий для организации демократического устройства и что является идеальным типом такого устройства? Если мы считаем, что идеальной моделью является демократия западного типа, т.е. европейская и американская модель либеральной демократии, то тогда мировой политический процесс будет описываться в рамках предложенного С. Хантингтоном объяснения в его книге «Третья волна. Демократизация в конце XX в.»¹⁷, и имплицитно подразумевать соответствие или несоответствие данной конкретной модели идеальной¹⁸. В рамках такого подхода мировой политический процесс будет «просто» описываться как процесс политической модернизации западного типа и эволюции «всех стран и регионов» в направлении европейской либо американской модификаций западных либеральных демократий (концепция «демократического транзита»). Такая постановка вопроса подобна подходу К. Маркса, который из-за недостат-

ка знаний по Востоку скорректировал свою знаменитую формационную теорию, разработанную на основе политико-экономического анализа передовых экономик западноевропейских государств XIX в. объяснением *ad hoc* — концепцией «азиатского способа производства», которая потом около ста лет дебатировалась мировым и особенно отечественным востоковедением, пока дискуссия не уступила в методологической ограниченности такой постановки вопроса. Однако сегодня все больше и больше исследователей как в западных странах¹⁹, так и в России²⁰ высказывают сомнение в том, что теории современной западной политической модернизации (вестернизации) и демократического транзита, определяющие демократии западного типа единственным и идеальным образцом демократического устройства, после событий «9/11» адекватно описывают мировой политический процесс с точки зрения региональных закономерностей и во всем многообразии²¹. Хотел бы специально оговориться, что речь идет не об отрицании политических теорий и концепций демократии, разработанных мировой политической мыслью и апробированных в конкретных странах, одновременно и не о построении доморощенных лабораторных теорий «в пробирке» в отрыве от мировой политической науки, чтобы оправдать собственное отставание и политическую несвободу, не об отрицании в целом преобладающей в мире демократической тенденции над авторитарической, поскольку модель демократического управления во всех смыслах, и экономических, и политических, и культурно-цивилизационных, более универсальна, а значит, и более конкурентоспособна, чем другие модели, а о

¹⁷ Huntington S.P. *The Third Wave. Democratization in the Late 20th Century*. Norman, 1991.

¹⁸ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. *Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор*. М.: Аспект Пресс, 2002; Дербишайр Дж., Дербишайр Я. *Политические системы мира*. М.: Рипол классик, 2004.

¹⁹ Захария Ф. *Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами*. М.: Ладомир, 2004.

²⁰ См., к примеру: Володин А.Г. *Современные теории модернизации: кризис парадигмы* // Политическая наука. 2003. № 2. С. 8–29; Карозерс Т. *Конец парадигмы транзита* // Политическая наука. 2003. № 2. С. 42–65.

²¹ Эти сомнения, кстати, не означают признание значения этих теорий в конкретных и конкретно-временных обстоятельствах.

необходимости расширения методологической базы и «номенклатуры» методологических подходов, в частности, с использованием методологии региональных и пространственно-аналитических подходов для более адекватного, непредвзятого объяснения мирового политического процесса и поиска конкурентных национально-региональных моделей, соответствующих общим закономерностям и адекватных региональной специфике. Наиболее очевидным для подтверждения этой системы аргументов является фактическое провозглашение современной западной политической наукой либеральными демократиями (в некоторых исследованиях — ограниченными либеральными демократиями) политических систем тех государств, своеобразие которых никак не вписывается в первоначальную западную модель политического устройства (наиболее очевидно в случае Малайзии и Сингапура в Восточной Азии), но которые все же являются демократиями, и возникшие в современных мировых общественных науках рефлексии по поводу возможности и/или необходимости построения незападных политических теорий и теорий международных взаимодействий²². К слову, финансирование такого рода исследований на международном и российском уровне было бы куда продуктивнее с точки зрения национально-государственного пиара, политической практики и стимулирования интенсификации связей российских и западных общественных наук, чем утилитарно-псевдонаучная деятельность ряда форумов.

Один из классиков западной политологии Л. Пай (к тому же автор блестящих трудов по сравнительной политической синологии) не только признал наличие «незападного» (в его терминологии) политического процесса, но и сформулировал 17 закономерностей, которые определяют его специфику. Работы Л. Пая,

считавшиеся имеющими ограниченную теоретическую применимость, переизданы в западном мире и активно используются в образовательном процессе, в частности, в ведущих американских университетах.

Таким образом, модель политики в обществах незападного типа в основном определяется формой общественных и личных взаимоотношений, а власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса. Поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а на проблемах влияния. Процесс рекрутирования в политику в обществах такого типа фактически является процессом культурной социализации, при этом базовая структура незападной политической жизни — общинная, а политическое поведение прямо или косвенно связано с общинной идентификацией. Поэтому политические группы в незападных обществах ориентированы на какой-либо аспект общинной политики, а не на политическую сферу деятельности, и чтобы устоять в политической борьбе, политические партии в этих странах должны выражать свое мировоззрение и отстаивать определенный образ жизни. В этом смысле они скорее напоминают общественные движения, чем собственно политические партии, а в политической жизни резко возрастает роль клик и политических группировок. В этой связи политическая лояльность становится обусловленной не политическими целями, а скорее чувством идентичности с какой-либо общественной группой («социальной корпорацией»), и связанные с политической лояльностью проблемы разрешаются на уровне и внутри групповых интересов. Поэтому борьба за власть идет не между партиями, представляющими различные политические интересы, и не между группами, соревнующимися для доказательства превосходства своих административных методов, а между различными образами жизни. Поэтому в обществах такого типа нет единого политического процесса, а есть несколько практически независимых политических процессов, связанных

²² Non-Western International Relations Theory / Ed. by A. Acharya, B. Buzan. N.Y. : Routledge, 2010. Подробнее см. раздел «На книжной полке» в данном номере журнала «Сравнительная политика».

с различными образами жизни населения. Именно поэтому и политически значимые посты в странах такого рода нередко не имеют четко определенных границ, государственная бюрократия может фактически превратиться в партию (точнее — партию власти), а армия — выступить в роли правительства.

Хотя в незападных странах обычно довольно много неофициальных политических организаций, они действуют или как объединения, сформированные для защиты интересов своих членов, или в действительности представляют интересы правительства и/или наиболее влиятельной политической партии или движения, т.е. мобилизуют население для поддержки господствующей группы, а не действуют как группы политического давления. Поэтому политик национального масштаба в этих странах должен прибегать к лозунгам общего характера, поскольку у него отсутствует возможность четко определить скрытые потребности населения, вместо того чтобы формулировать четкую позицию по определенным проблемам. Соответственно облеченный властью не должен обнаруживать и решать проблемы, достаточно просто находясь в центре политического (т.е. общинного) процесса (ездить на оленях, водить самолет, нырять в океан и т.д.), что он делает просто из-за того, что облечен властью «свыше». Поэтому в обществах западного типа главенствующим типом лидера является харизматический, а политические системы функционируют без участия политических «брокеров».

Описанная Л. Паем структура западного политического процесса хорошо объясняет его специфику. Но, признав отличие западных обществ от западных, на основе которого и выписана Л. Паем специфика западного политического процесса, и сформулированной нами специфика восточных обществ как части западного мира, мы можем попытаться выстроить критерии системы тех государств с западным политическим процессом, которые все же можно назвать демократиями. То есть, оттолкнувшись от методологического постулата, что в раз-

ных системах одинаковые институты могут выполнять различные функции и что в разных системах различные институты могут выполнять одинаковые функции, и признав не только то, что политическая культура может определять политическую систему, но и согласившись с фактом плюрализма политических культур и соответственно взглядов на политическую систему и политику вообще, то, в частности, не отрицая того факта, что демократия не идеальный способ правления, но наилучшего человеческого политическая мысль пока не придумала²³, мы будем должны признать наличие разных типов обществ (западного и западного, где среди западных существует особый подтип восточных) и разных путей их трансформации при наличии общих закономерностей, определяющих направление и характер этих трансформаций. Таким образом, далее мы можем также констатировать:

— наличие разных видов, моделей демократий (не только европейского и американского типов), а, скажем, западного, в том числе и азиатского, типа (японская, сингапурская, индийская, южно-корейская, малайзийская, тайваньская, израильская, турецкая и др.), причем демократии «другого» (западного/азиатского) типа могут, по-видимому, достаточно сильно отличаться от европейской и американской модели, в связи с отличиями социально-политических структур и политической культуры в этих странах, но при этом все же являться демократиями;

— наличие специфики, культурной и социально-психологической, т.е. связанной со спецификой культуры (в частности, политической) и национальной психологии и национального характера (в частности, в связи с особой ролью профессионального или какого-либо другого

²³ Само классическое высказывание, как известно, принадлежит У. Черчиллю, применительно к Востоку эта мысль удачно развернута в «Эссе о демократии» в кн.: Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация). М.: ИВ РАН, 1999. С. 3–16.

фактора, в частности, к примеру, связанного с существованием правовой системы особого рода (шариат)), и т.д.;

— наличие «других», незападных, политических систем и политических культур, которые «не лучше» и «не хуже», а просто «другие» (подобно тому, как мужской пол не лучше/хуже женского, а просто — «другой» пол) и, возможно, лучше приспособлены для решения политических проблем специфических обществ иного, чем западные, типа;

— в проблеме типологизации политических систем и их сравнении с «эталоном» есть достаточно большая доля идеологизированности и субъективности, связанная с тем, что методологически любая типологизация связана с редукцией и интерпретацией;

— признание факта наличия демократий другого типа, возможно, позволит определить объективные, а не субъективные критерии для определения либеральной демократии, нелиберальной, незападной демократии, т.е. выделить несколько моделей демократического устройства, отличающихся значительным своеобразием.

Концепция незападной демократии

Сформулировав эти закономерности, мы можем категоризировать все многообразие политических систем и политических режимов незападных, в нашем случае анализа — восточных, стран по шести основным типам базисной идеологии государственного правления и конструирования политического строя, а также по определенным параметрам политического устройства. Сразу оговоримся, что такая классификация условна, однако она важна для формулирования некоторых дальнейших предположений относительно региональных путей политической модернизации, региональной специфики и определения характера связи между политической и экономической модернизацией. Мы можем выделить:

— нестабильные (неустойчивые) демократии;

— демократии (экстралиберальные, либеральные, западные, нелиберальные);

— конституционные монархии;

— абсолютные монархии;

— военные диктатуры;

— военно-авторитарные республики, авторитарно-коммунистические республики, авторитарные республики.

В либеральной демократии всегда очевидны конституционная форма правления, свободные выборы в законодательный и исполнительный орган, наличие многопартийной системы, баланс трех ветвей власти (исполнительной, законодательной, судебной), наличие независимого судебного права, судебная гарантированность реальной защищенности личных свобод на основе конституции, эффективность и стабильность правительства, которое ограничивается существованием автономного плюралистического общества и подотчетно электорату. В принципе либеральную демократию можно определять как определенное четкое соотношение между демократией (т.е. проведением открытых, свободных и справедливых выборов) и конституционным либерализмом (верховенство закона, права частной собственности, разделение властей, наличие свободы слова, собраний вплоть до институализированной политической оппозиции).

Все демократии обладают тремя параметрами (условиями). Власть в них должна быть легитимна (т.е. выборна и сменяема, лидер государства должен избираться народом путем свободных и честных выборов либо коллегией выборщиков, которые выбраны на основе ясной процедуры свободных и честных выборов; законодательная власть, в зависимости от того является ли демократия прямой или представительной, должна быть выборной, но необязательно прямым и всеобщим голосованием, эффективной (т.е. исполнительная власть должна быть автономной и подотчетной), а судебная власть должна быть независима от законодательной и исполнительной (т.е. и государство, и граждане должны подчиняться закону). Естественно, что также должны осуществляться всеобщие гражданские (политические) права. Без этих общепринятых условий политическая система в современном обществе не может считать-

ся и никогда не будет признана демократической.

Что же касается следующих четырех параметров (условий), то степень их осуществления, судя по всему, варьируется в зависимости от того, являются ли государства экстралиберальными (т.е. максимально либеральными), либеральными демократиями, демократиями либо западными или нелиберальными демократиями. В соответствии с этими параметрами в государстве пресса должна быть независимой (в разной степени, обеспечивается в разных обществах различным образом) и контролировать путем обсуждения (в разной степени, от прямого до косвенного влияния на власть в зависимости от особенностей национальной политической культуры) процесс принятия политических решений; должны осуществляться принципы индивидуальной свободы человека как неотчуждаемой от него сферы (включая свободу выражения мнений), причем способы осуществления этих принципов могут, судя по всему, варьироваться и обеспечиваться как наличием гражданского общества, гражданским правом, гарантирующим наличие у человека неотчуждаемой частной собственности, позволяющей иметь ему независимую от государства сферу деятельности, так и справедливым и легальным перераспределением государственных доходов (в демократиях эгалитарного типа), либо особой ролью конфессионального фактора (свободный моральный выбор на основе религиозных постулатов, справедливое и легальное перераспределение на основе религиозных постулатов); должна наличествовать конкуренция различных политических сил (хотя она и может некоторым образом ограничиваться, в частности, через существование доминантной партии, с целью поддержания определенных правил конкуренции, и через разную степень и формы институализации политической оппозиции: от существования в достаточно жестких системных рамках «под зонтиком» доминантной партии до признания возможности существования оппозиционной политической партии), достаточно высокая (но разная) сте-

пень открытости общества в зависимости от особенностей его политической культуры и конфессиональной специфики; и четкие (в том числе и юридические, но не только юридические, а возможно, и через систему неформальных конфессиональных ценностей и моральных постулатов) гарантии прав меньшинства в случае поражения на выборах, т.е. поражения в политическом соревновании.

По вопросу степени осуществления параметров (условий) демократии в зависимости от национальной специфики и конкретных условий политического развития стран и идет последние десять лет острая дискуссия среди политиков и политологов Запада и Востока, отражением которой стало появление разного рода концепций: прав человека (в разных интерпретациях на Западе) и азиатских ценностей (Ли Куан Ю, Махатхир, Махбубани), ислама и гражданского общества (Хатами), теории «трех представительств» (Цзян Цзэминь), социалистического гармоничного общества (Ху Цзиньтао). К этому же типу относится концепция суверенной демократии. Концепция управляемой (закрытой) демократии применяется по большей части для описания способа организации власти в демократиях участия (ограниченные плебисцитарные демократии) и соответственно по своему типу отличается от предыдущих. Традиционалистско-идеологизированные модели авторитарного, неплюралистического политического режима на основе концепции социального/социалистического консерватизма с разного рода моноконфессиональной окраской в полиэтнических и поликонфессиональных государствах являются шагом назад даже по сравнению с режимом ограниченной плебисцитарной демократии. Такого рода модели ограничивают свободу больше, чем управляемая или плебисцитарная демократия, так как они не основаны на нормах права; в силу этого порождают все более жесткие версии национализма и факторы национально-конфессиональной дифференциации, что неизбежно в конечном счете приводит не к консолидации общества, а к возникновению тен-

денций социально-политического отторжения у части населения, что порождает антагонистические этноконфессиональные конфликты и усиление напряжения во взаимоотношениях с соседями; предполагает проведение насильственных модернизаций скачкообразного типа, дающих ограниченные результаты в ограниченные исторические периоды с долгосрочными отрицательными демографическими и социальными последствиями, и в конечном счете приводит страны, проповедующие такие модели, к международной изоляции, а значит, к дальнейшему отставанию как в политическом, так и в экономическом развитии по сравнению со странами, осуществляющими исторически апробированные модели развития на основе творческого развития теории и ее практико-применения.

В экстралиберальных и либеральных демократиях все параметры демократии максимизированы, причем все государства такого типа к тому же обладают самой высокой долей ВВП на душу населения, т.е. у них есть прочный экономический базис для гарантирования максимизированного выполнения всех упомянутых условий. Эти режимы до самого последнего времени были наиболее успешными в построении экономически и духовно-плюралистических конкурентных обществ, и есть большие основания считать, что, скорее всего, именно они окажутся наиболее гибкими в преобразовании своих политических и экономических систем в процессе складывания нового экономического и технологического уклада. У «просто демократий» эти параметры находятся в определенном балансе. В нестабильных (неустойчивых) демократиях отсутствует историческая легитимизация, а следовательно, устойчивость демократических институтов, политический процесс носит персонифицированный характер, отсутствует баланс социальных и политических сил. Нестабильные демократии могут трансформироваться как в демократии и либеральные демократии, так и в нелиберальные демократии и политические режимы других типов, вплоть до диктаторских.

В нелиберальных демократиях существуют (в идеале) открытые, свободные и достаточно справедливые выборы (т.е. наличествует демократия), но отсутствует либо сильно ограничен конституционный либерализм. Самым «нелиберальным» видом нелиберальных демократий, которые находятся на грани с авторитарными режимами, судя по всему, являются «демократии участия» (ограниченные плебисцитарные демократии). Такие режимы подразумевают лидерство авторитарно-доминантной партии при небольшом и контролируемом расширении народного участия в политическом процессе и руководство им при помощи норм права. Одновременно в таких режимах авторитарно-доминантная партия, как правило, избегает введения всеобщего избирательного права (либо каким-либо путем ограничивает его), не приветствует создания действенного парламента, введения системы сдержек и противовесов, а также проведения выборов с участием нескольких партий. Ее легитимность при этом обеспечивается и поддерживается приемлемым уровнем эффективности, справедливости (перераспределения благ) и политической стабильности, обеспечивающими эволюционный переход к более конкурентному политическому режиму, гарантирующему дальнейшее благоприятное развитие нации.

В западных демократиях существует другое, чем в либеральных, соотношение демократии и конституционного либерализма, в то же время они более демократичны (и более конкурентоспособны), чем нелиберальные демократии или демократии участия. Кроме того, там религия может играть особую, в том числе и освященную государством и законом роль (ислам в Египте, Йемене, Малайзии, иудаизм в Израиле, буддизм в Шри-Ланке, панчасила²⁴ в Индонезии). В настоящее время западными азиатского подтипа демократиями являются Турция, Ливан, Израиль, Марокко, Иордания, Япония, Индия, Южная Корея, Ма-

²⁴ Особый вид государственно-синкретической идеологии.

лайзия, Сингапур, Тайвань, Шри Ланка, Индонезия, причем незападные демократии на Большом Ближнем Востоке, так же как и в Африке, не определяют тенденций регионального развития, а в Большой Восточной Азии — определяют. Пока открытым с точки зрения политической теории является вопрос, являются ли западные демократии, т.е. национальные конституционно-либеральные демократии и их подтип — восточные, азиатские, самостоятельным устойчивым подтипом демократий или же они неизбежно должны трансформироваться в либеральные или нелиберальные, так как внутри этой группы существует достаточно широкий разброс параметров, приближающих некоторые из них к демократиям либерального типа (Япония, Южная Корея, Тайвань), а другие к нелиберальным (к примеру, Сингапур, Малайзия, Индонезия).

Кроме того, западные азиатские демократии осуществили (в разной степени) синтез западного и восточного мировосприятия. Индивидуум там свободен, но нравственные законы и установления (включая религиозные) играют очень большую роль. При этом собственно церковь как институт (вне зависимости от преобладающей религиозной конфессии) в большинстве случаев отделена от государства и свое влияние на общество осуществляет нравственным и этическим примером. Общество там является социентричной самодетерминирующейся системой, но та его сфера, которая определяется конфессиональными предпочтениями, может быть и космоцентрична, если это не мешает эффективности государства и не противоречит личным пристрастиям, т.е. такие общества конгломеративны и плюралистичны за счет своей конгломеративности. В государственной сфере жизни в обществах такого типа существует примат правового государства, в котором приоритетны универсальные юридические (конституционно-правовые) нормы. Экономика таких государств достаточно прозрачна и функционирует при всей своей национальной специфике (в частности, экономики исламских демократий) на основе международных норм.

В политике в обществах, осуществивших синтез двух традиций, существует равенство шансов, но доминирует, как правило, определенная политическая сила (так называемая доминантная партия), но это не формируемая властью партия, а партия, формирующая власть. Хотя политическая конкуренция в таких странах может быть некоторым образом ограниченно упорядочена, авторитаризм практически всегда является гражданским, а не военным, он просвещенный, и цель его — модернизация общества, а не консервация традиционализма. То есть традиционные связи не означают снижения роли личности, а доминирование коллективных ценностей контролируется коллективным здравым смыслом. Соответственно в политическом процессе важно устоявшееся и проверенное, соответствующее доминирующим политическим нормам, но здоровое и не традиционалистское. При этом существует и консенсус, что точка зрения меньшинства, если она рациональна, не будет совсем не принята во внимание, а доминантная точка зрения прежде всего будет способствовать рациональной модернизации государства, а не монополизации политического процесса определенной политической силой ради сохранения своей власти любым путем. С течением времени, доминантные партии в таких обществах, как правило, допускают формирование политического плюрализма и конкурентной многопартийности, поскольку в противном случае политическая и экономическая составляющие общества начинают стагнировать. В обществах такого типа существуют взаимобязательные отношения граждан с государством, т.е. государство может требовать от граждан только в той степени, в которой само служит гражданам, при этом роль государства (а часто и религии) более выпукла, чем в западной (либеральной) традиции, за исключением западных стран католического ареала, в которых религия играет особую роль. Государство в азиатских демократиях играет направляющую роль в социальных трансформациях, но при этом не ограничивает экономическую конкуренцию и поощряет политику

создания рабочих мест. В этих обществах действует принцип разделения властей, но он может быть скорректирован в соответствии с нормами традиционной политической культуры или определенными конфессиональными положениями. Власть в этих обществах выборная, осуществляется большинством, регулируется обязательными конституционными правовыми нормами (в некоторых странах с определенной национальной спецификой) и при этом может распространяться на определенные сферы частной жизни шире и глубже, чем в обществах западного типа, в частности влияя на формирование справедливости в обществе и на процесс перераспределения благ. В то же время принципы функционирования власти в таких обществах включают легитимность, эффективность, власть не отчуждена от народа, а судебная власть является независимой от первых двух и является главным институтом и конечной эффективной инстанцией поддержания справедливости в обществе, а не подрывает ее.

В незападных (восточных) демократиях, строящих общество синтетического типа, ценности не всегда полностью отделены от интересов, но в связи с наличием демократических выборов итоги политического соревнования не окончательны, так как через определенное, достаточно короткое время можно снова законно прийти к власти, а проигравшие не будут навечно отринуты от власти, отправлены в эмиграцию (как в нелиберальных демократиях или демократиях участия) или физически уничтожены (как в диктатурах). В обществах такого типа могут оставаться сословные и другие перегородки, но существует и достаточно динамичная социальная мобильность (даже для низших каст в Индии). Национальный суверенитет как принцип гарантии от внешнего нелегитимного воздействия (включая финансовое в политической конкуренции) там достаточно жестко охраняется (особые законодательные акты по этому поводу существуют, к примеру, на Тайване, в Южной Корее и других странах). Принципы равноценности мировых культур, терпимости, свободной соревнова-

тельности сосуществуют в разной степени, в зависимости от степени толерантности конкретного общества и его традиционной культуры, и даже в таких открытых восточных обществах, как японское, начинают сущностно обсуждаться только в самое последнее время.

Данные количественного анализа соответствующих типов политического правления, распределенные по регионам, показывают, что в Африке наблюдается самый большой разрыв между фактически противоположными формами правления — неустойчивыми демократиями и авторитарными режимами. Действительно, неустойчивые демократии, как правило, склонны акцентировать элементы демократии в ущерб конституционному либерализму. Авторитарные режимы могут акцентировать конституционный либерализм, а могут этого и не делать, но все авторитарные режимы достаточно негативно относятся к демократическим нормам. Важно отметить, что африканский опыт показал: демократия на слабой экономической основе без порядка, обеспеченного достаточно жесткими нормами конституционного либерализма, нежизнеспособна и трансформируется, как правило, в авторитарный режим. Некоторые из провозглашенных африканских демократий прошли и через диктаторские режимы (к примеру, Гана, Танзания, Кения). Сегодня из относительно успешных африканских демократических режимов можно назвать только ЮАР и Ботсвану, причем судьба ЮАР как либеральной плюралистической демократии в последнее время вызывает все больше вопросов. В то же время неустойчивых демократических режимов в Африке — подавляющее большинство, при этом пока неясно, какую модель политического устройства внутри категорий демократии они выберут со временем. Одновременно нельзя гарантировать, что эти режимы не трансформируются в другие, отнюдь не демократические, т.е. что им вообще удастся сохранить демократию. Возможно, однако, что именно с нахождением общего вектора политической модернизации, когда на континенте в целом улучшается ситуация с обеспече-

нием законности и порядка, макрорегион сумел к началу XXI в. выйти на путь положительного экономического роста, а для того, чтобы закрепить эту пока неустойчивую тенденцию экономической и политической модернизации макрорегиона, клуб кредиторов, членом которого является и Россия, списал большинство долгов составляющим его странам.

На Большом Ближнем Востоке ситуация гораздо сложнее. Пожалуй, она самая сложная и противоречивая из всех восточных макрорегионов. На Большом Ближнем Востоке явное меньшинство демократий, превалируют монархии и авторитарные (президентские и суперпрезидентские) республики. В то же время некоторые страны региона (как республики, так и монархии) встали на путь политического реформирования. Поскольку важнейшей частью политической культуры стран этого региона является конфессиональный, точнее исламский, фактор, результаты процесса модернизации будут зависеть от того, какую роль в нем будет играть ислам и как исламские нормы будут трактоваться в обществе. Особенностью политической культуры стран Большого Ближнего Востока является то, что традиционная мусульманская правовая доктрина (*фикх*) в принципе не предлагает однозначных ответов по вопросам организации политической власти. Исламская политическая модернизация предполагает *иджтихад*, т.е. рациональное решение по вопросам, на которые шариат не дал однозначных ответов. Таким образом, проведение политической модернизации в регионе делает актуальным те принципы *фикха*, которые допускают зависимость норм от места, условий и времени, т.е. зависят от региональной специфики, а также «исключительных интересов», предполагающих легализацию нововведений, прямо не запрещенных шариатом²⁵. Как справедливо отмечает Л. Сюкияйнен, «презумпция дозволенности всего того,

что прямо не отвергается Кораном или Сунной Пророка Мухаммада, применяется тогда, когда речь идет о принятии мусульманским миром западных достижений, относящихся к выборам и политическому плюрализму»²⁶.

Исламская правовая и политическая мысль не имеет прямых жестких предписаний, касающихся устройства власти, если они не касаются противопоставляемых исламу институтов, которые расцениваются как угроза традиционным ценностям²⁷. Именно эти положения привели к синтезу достижений западной политической мысли, западного политического устройства и традиционных ценностей мусульманской политической культуры в ряде стран Азии (Турция, Малайзия, Индонезия). Однако традиционалистское понимание норм ислама может и воспринимать все прямо не упомянутое в Коране и Сунне как угрозу традиционным ценностям, и тогда этого синтеза не получается.

Особенности и специфика моделей политического устройства стран Большого Ближнего Востока заключаются в том, что в регионе присутствует несколько жестко конкурирующих моделей политической модернизации, продвигаемых гражданскими властями, военными и исламистами. Все продвигаемые этими тремя политическими силами модели апеллируют к конфессиональным базисным установкам политической культуры региона, воспринимаемым по-разному, причем ни одна модель пока не получила полного признания как универсальная и определяющая в целом политическое развитие всего региона. Одновременно ускорение в странах региона процесса смены власти, сопровождающееся попытками исламистов и фундаменталистов продвигаться в верхние политические эшелоны и форсировать проведение модернизации исламистско-традиционалистского толка по иранской либо по еще более жесткой модели привели к усилению внешнего военно-политического влияния, пре-

²⁵ Сюкияйнен Л. На западный лад с исламским акцентом. Политико-правовая система ряда мусульманских стран готова к последовательному реформированию // НГ-религии. 15 января 2007 г. С. 4.

²⁶ Там же.

²⁷ Мелкумян Е.С. Политические реформы в Арабских странах: принципы и ценностные ориентации // Восток. 2006. № 6. С. 119.

жде всего США, которые попытались силой инициировать в регионе форсированное развитие модернизации западного типа (вестернизации) в ее американзированной форме.

Специфика политического устройства подавляющего большинства стран Большого Ближнего Востока, кроме основополагающего влияния конфессионального фактора в его разной интерпретации, заключается также и в том, что армии стран региона сильно политизированы, во многих странах гражданскими властями эффективно не контролируются, а в некоторых странах превратились фактически в один из наиболее эффективных государственных институтов либо в единственный дееспособный орган государственного управления²⁸, т.е. там действует в большинстве случаев чрезвычайная система гарантирования общественной стабильности. Особенности военно-гражданских отношений на Большом Ближнем Востоке заключаются в том, что армия и спецслужбы пытаются (иногда достаточно успешно) определять специфику развития основных политических процессов, выступать гарантом политического развития, политической стабильности либо напрямую вмешиваться в определение направления, скорости проведения и последовательности этапов политического развития²⁹. Превратившись в один из мощнейших центров влияния, армия и спецслужбы стали организатором ряда политических переворотов и мятежей (Сирия, Ирак, Египет, Йемен, Турция, Алжир, Пакистан, Мавритания) либо напрямую вмешивались в поддержание внутренней стабильности (Алжир, Ирак, Йемен, Сирия). Приход военных во власть в ряде стран региона (Египет, Сирия, Ирак) на определенном, исторически очень коротком этапе оказал положи-

тельное влияние на их развитие, инициировал сдвиги в политической структуре общества и в конечном итоге оказал влияние на выбор той или иной модели развития. При этом, с одной стороны, таким образом удалось укрепить центральную власть, консолидировать общество и мобилизовать население на решение острых социально-экономических проблем, с другой стороны, в тех государствах региона, которые не смогли быстро отойти от этой модели, надолго утвердился авторитаризм, причем по большей части отнюдь не в его просвещенных формах, а развитие демократических институтов управления и гражданского общества было прервано³⁰. Стабилизировав общество, военные практически во всех странах Большого Ближнего Востока оказались не готовыми профессионально, а также и непоследовательными в проведении политических, экономических реформ и осуществлении преобразований в обществе, особенно если эти преобразования противоречили корпоративным интересам силовых структур. Постепенно гражданские власти ряда государств Большого Ближнего Востока научились взаимодействовать с армией как с политической силой и в регионе, во всяком случае, в экономически и политически наиболее развитых странах, начала осуществляться новая модель развития — рычаги управления в государстве стали постепенно передаваться гражданским политикам, была осуществлена деполитизация армии и усилен поиск механизма осуществления действенного контроля над ней.

Таким образом, в регионе Большого Ближнего Востока идет жесткое противостояние разных моделей политического устройства, причем общая составляющая вектора политической модернизации пока неоднозначна. В целом в регионе авторитарная и традиционалистская составляющие в политических режимах не склонны уменьшаться, хотя в принципе осовремениванию и демократизации нет реальной альтернативы, поскольку без них очень сложно, а с определенного момен-

²⁸ Ахмедов В. Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации. М. : МГИМО-Университет. Аналитические доклады. Вып. 5 (10). Июнь 2006. С. 3.

²⁹ Подробнее см.: Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии / под ред. В.М. Ахмедова. М. : ИВ РАН, 2002.

³⁰ Там же. С. 11.

та и невозможно осуществить экономическую модернизацию, без которой маловероятно повышение мировой конкурентоспособности отстающих в развитии стран региона³¹. Возможно, именно из-за противостояния разных моделей политического устройства регион пока и не может предложить решение проблем политической модернизации как части целостной модели интенсивного регионального социально-экономического развития.

В Восточной Азии существует наименьшая поляризация моделей правления, что, по-видимому, способствует формированию компромисса различных политических сил по поводу общего вектора политической и экономической модернизации региона. Модернизация (т.е. приближение к современности) в регионе воспринимается не как вестернизация, т.е. неизбежность движения государственных образований в сторону западной модели развития, а как особый путь развития, в ходе которого осуществляется синтез западного политического опыта (демократии), норм конституционного либерализма и автохтонной политической культуры во всем ее конкретном конфессиональном, страновом, региональном своеобразии (Вестминстерская модель и кастовая система в Индии; буддийская государственность и демократия в Шри Ланке; доминантная роль либерально-демократической партии в Японии (до последнего времени); особая роль исламского конфессионального параметра в Малайзии и синкретической идеологии панчасила, ограничивающей ислам и обеспечивающей конфессиональный плюрализм при мягком доминировании ислама в Индонезии; наличие доминантного харизматического политического лидера (министра-наставника) в

Сингапуре; китаизированный марксизм, внутрипартийная демократия, прямые выборы на низовом административном уровне, упор на законность и конфуцианскую этику в КНР). Подавляющее число политических режимов в этом макрорегионе — демократии, нестабильные демократии и конституционные монархии, они и задают общий вектор регионального развития. Режимов с другим вектором политического развития — жестко авторитарным либо военным правлением — меньшинство.

В этом макрорегионе наибольшее количество незападных демократий, т.е. тех стран, которые сумели синтезировать демократические принципы и конституционный либерализм с особенностями своей политической культуры, включая специфику конфессиональной организации общества и, в некоторых странах, — государства. Именно среди этих стран находятся те, которые показывают наиболее впечатляющий региональный (и мировой) экономический рост (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур), причем этот рост осуществляется не на основе мобилизационной модели развития насильственного типа, а на основе модернизации как особого, синтетического пути, не западного и не мобилизационного типа. Собственно говоря, только эти страны и смогли превратиться из развивающихся в развитые и догнали Запад фактически по всем параметрам, невзирая на свой географический или демографический размер, ресурсную обеспеченность и т.д., изменив экономическую и политическую карту мира. Теперь, когда к такому типу развития присоединяется Китай, Восточная Азия начинает превращаться в центр мирового экономического роста XXI в.

Китай все же пока представляет собой особый случай в регионе. Эта страна сохранила свою специфическую политическую культуру в виде китаизированного марксизма, к началу XXI в. синтезировав ее с некоторыми положениями трансформированной и модернизированной традиционной политической культурой конфуцианства (в частности, этические

³¹ Косач Г.Г. Саудовский демократический эксперимент: внутренние предпосылки. В кн.: Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Вып. 6. М.: Центр стратегических исследований, 2007. С. 64–67; Мельянцев В.А. Арабо-исламский мир: сравнительная оценка макроэкономической и социальной результативности // Там же. С. 130–136.

представления)³². На локальном (низовом, уездном и поселковом) уровне начат эксперимент с прямыми выборами, в то время как на верхнем введены элементы конституционного либерализма (верховенство закона, конституционное признание и судебная защита частной собственности, частично — разделение властей, частично и ограничено — свобода слова и собраний). Такая модель «демократии участия» приблизила страну к модели нелиберальной и одновременно незападной демократии, обеспечила успех проведения экономической модернизации. В конечном счете судьба построения этой модели в Китае будет зависеть от успеха воплощения в жизнь провозглашенной концепции построения «гармоничного общества» (*хэсе шэжуэй*) и научной модели развития, в центр которой поставлен конкретный человек³³.

Заключение

Проанализированный конкретный региональный и страновой материал, структурированный в соответствии с концептуальными положениями, показывает, что именно регион Большая Восточная Азия является важнейшим мировым полигоном выработки модели политической модернизации, дающей удачный синтез демократических форм правления (определенной формы участия всего народа в управлении государством) и особенностей функционирования автохтонной политической культуры (общих закономерностей и региональной/цивилизационной специфики), результирующих соответственно в моделях впечатляющего экономического роста немобилизацион-

ного типа (Япония, Тайвань, Сингапур, Южная Корея, Индия, Китай). В Восточной Азии к концу XX в. (Сингапур, Малайзия, Тайвань, Южная Корея, Китай) опытным путем была найдена удачная сущностная форма экономической и ненасильственной политической модернизации, которая, отсекая неэффективные, нежизнеспособные и нерациональные компоненты политической системы, одновременно укрепляла и ускорила процесс экономической модернизации: сначала создавая экономическую базу (с внешней помощью или с опорой на собственные силы в зависимости от конкретных условий страны) и законодательно вводя экономический либерализм, затем проводя все более широкое, но постепенное и одновременно жесткое, но рациональное законодательное введение норм и правоприменение конституционного либерализма, поощрение меритократии и формирование на ее основе эффективной бюрократии, далее осуществляя постепенную дальнейшую демократизацию в зависимости от способности политической культуры конкретного общества «переваривать» и осваивать политические изменения. Важно отметить, что во всех странах Восточной Азии, которые добились экономического процветания, формы и скорость осуществления этой модели были различными, но базисные параметры оставались неизменными. Исключения из этой модели касались только стран с импортированной моделью демократии (Индия, Япония), да и то детальный анализ японского и индийского опыта выхода на высокие темпы экономического роста скорее подтверждает, чем опровергает это положение.

Во всех этих странах политическая элита, осуществляющая преобразования, выдвигалась на основе принципов меритократии т.е. административно продвигались по карьерной лестнице только образованные, эффективные и некоррумпированные управленцы, отстраивались прежде всего те политические институты, существование которых признавалось необходимым на основе международного опыта, но укоренение, успешное

³² Воскресенский А.Д. Большая Восточная Азия: мировая политика и энергетическая безопасность. М.: Ленанд, 2006.

³³ Гоуцзянь шэжуэй чжуи хэсе шэжуэй вэньда (Замысел и построение гармоничного социалистического общества в вопросах и ответах). Пекин: Хунци чубаньшэ, 2005; Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2006. Интересно сравнить эту концепцию с идеей «сбережения народа», высказанной российскими мыслителями и политиками (А. Солженицын, В. Путин).

и эффективное функционирование которых было необходимо и возможно в конкретных условиях этих стран. При этом политическая элита создавала эффективные и в целом справедливые политико-экономические системы (Сингапур, Тайвань), где можно было преуспеть без коррупции и кумовства, что получало одобрение и поддержку народа, а некоторые страны по мере роста эффективности постоянно и целенаправленно, но также в зависимости от конкретных условий, расширяли формы и степень участия всего народа в управлении государством и степень демократичности политической системы вплоть до возможности легального перехода власти к оппозиционной партии (если она представляла детально проработанную конкурентную программу, получающую одобрение через выборы большинством населения) и добровольного возвращения власти новому победителю на следующих выборах в случае поражения (Индия, Республика Корея, Тайвань, Япония). В странах, где сложилась система доминантной партии, эта партия заключала своеобразный «социальный договор» с населением: ее «доминирование» на определенное время в политико-экономической сфере компенсировалось форсированным созданием эффективной бюрократии, введением жесткой системы ротации политической элиты, избавлением от коррупции, созданием «прозрачного» правового государства, жесткой правовой либерализацией экономической системы, повышением жизненного уровня всего населения при рациональной имущественной дифференциации, гарантированием справедливого и легального перераспределения благ внутри общества. При осуществлении такой модели не надо было силой «мобилизовывать» население. Понимая, что проводимые реформы экономически освобождают людей, повышают степень их свободы, прежде всего — экономической, а затем и политической, и в конечном счете улучшают жизнь за обозримый период жизни одного поколения (примерно 10–15 лет), а не ради абстрактного будущего, население этих стран просто повышением своей эконо-

мической активности в рамках рационального курса модернизации сделало такую модель успешной, т.е. все население без насильственных «мобилизаций» превращалось в «агента модернизации». Такому обществу не нужна идеология в традиционном понимании этого слова, так как сама национальная модель преобразований и успех ее осуществления и составляют идеологию, консолидирующую нацию.

Доминантная партия, и в особенности ее харизматические лидеры, выступали гарантом справедливости выборов и рациональности принимаемых политических и экономических решений, отсекая нерациональных или лоббируемых узкоклановых решений, жестко, но в целом доброжелательно обеспечивали постепенное вызревание элементов многопартийности путем острой фракционной борьбы внутри партии и «отпечкования» в определенный момент новых политических партий, включая даже партии оппозиционного толка, которые начинали бороться за голоса избирателей, но при этом не подрывали фундаментальных правил состязательности, признания очевидности поражения на свободных и справедливых выборах и передачи власти победителю в случае своего поражения. В случае же опасений по поводу возможности подрыва фундаментальных правил состязательности доминантной либо оппозиционной партией или экстремистски настроенными группами в качестве гаранта выступало государство в лице его специализированных институтов и резервных механизмов защиты конституционного строя. Важно отметить, что харизматические лидеры типа Дэн Сяопина и Ли Куан Ю сами достаточно долго оставались у власти при молчаливой поддержке большинства населения без исключительной опоры на военизированные структуры только потому, что гарантировали непреклонность осуществления принципа определенной конституцией и законами тотальной ротации властных элит и бюрократии, обеспечивающей периодическую (без превышения пятилетнего срока) сменяемость этих структур, а значит, непрерывное по-

вышение конкурентоспособности национального государства. При этом в современном мире удержание высшей власти под различными предлогами более двух пятилетних сроков либо не полностью легитимное «возвращение к власти» ради «стабильности» воспринимаются практически всеми политическими режимами, за исключением наиболее одиозных, как персональный неуспех политика и политической элиты страны в эволюционной трансформации системы к ее более конкурентному, а значит, в конечном счете и более стабильному состоянию.

Такой тип политической модернизации можно назвать консервативным в том смысле, что он первоначально опирается на достаточно узкий сегмент политической поддержки трех институтов в различном сочетании в зависимости от условий конкретной страны (армейские круги, силовые структуры, спецслужбы или доминантная партия), из которых только преимущественная опора на доминантную партию позволяет в конечном счете расширять народное участие в управлении страной и добиваться впечатляющих темпов экономического развития. Содержательное обозначение этой модели — «национально-либеральный консерватизм» или «демократия с национальной спецификой». Этот тип политической модернизации в Восточной Азии не консервировал традиционные, консервативные, мешающие развитию сегменты общества, а обеспечивал ту необходимую степень политической стабильности (Тайвань, Южная Корея, Сингапур), которая позволяла обществу стремительно развиваться, прежде всего — экономически. При этом наличие харизматического лидера, сохраняющего власть в течение долгого времени с опорой на доминантную партию (к примеру, Чан Кайши и Гоминьдан, Ли Куан Ю и Партия народного действия, Дэн Сяопин и КПК), позволяет поддерживать легитимность при осуществлении такого типа модернизации в течение достаточно долгого периода времени только в том случае, если в обществе происходит зримая эволюция к упорядоченному и эффективному, а зна-

чит, в целом более свободному и открытому экономическому и политическому состоянию, и эти изменения реальны для населения в осязаемые сроки (3–4 года). При этом историческая заслуга Дэн Сяопина и Ли Куан Ю как раз и заключалась в том, что они оставались неформальными гарантами существования стабильности при обязательной периодической ротации всего высшего эшелона власти, не сохраняя за собой формальных высших постов управления государством (Дэн Сяопин сохранял только пост председателя Военного совета при ЦК КПК, а Ли Куан Ю — пост министра-наставника).

При этом все равно рано или поздно модернизация делает необходимой либерализацию политической системы в ответ на необходимость повышения общей конкурентоспособности трансформируемого национального государства. Начиная с 1978 г. Китай также вступил на этот путь, но масштабы страны, количество населения, специфика формирования политической элиты внутри КНР (наличие левой консервативно-традиционалистской оппозиции внутри государства и партии, не сломленной даже всеочевидностью провала «большого скачка» и «великой пролетарской культурной революции», неоднозначность позиции армии и спецслужб; сохраняющаяся, несмотря на жесткие антибюрократические и антикоррупционные меры бюрократизация и коррупционность доминантной партии) делают путь перехода от экономической либерализации к политическому трансформированию более сложным, неоднозначным и трудным, чем в Японии, на Тайване или Сингапуре. В то же время эволюционный процесс смены властной номенклатуры, происходящий путем введения жесткой системы ротации партийного аппарата, его постоянного омоложения, увеличение легитимации путем расширения применения принципа главенства закона для всех, включая партийную номенклатуру, стоящую в Китае, как в свое время в СССР, над другими номенклатурами, делает такой путь эволюционно необратимым.

Изучение с точки зрения политической теории специфики модели «незападной демократии азиатского типа», т.е. национальной конституционно-либеральной демократии (Япония, Тайвань, Сингапур, Индия, Малайзия, Шри-Ланка), а также моделей эволюционной трансформации нелиберальных демократий (авторитарных республик либо конституционных монархий, к примеру, Таиланд) и «демократий участия» (плебисцитарных демократий — Китай) в незападные демократии, возможно, даст ключ к нахождению путей формирования такой модели и в других странах (в частности, в

России). Такой путь дает возможность избежать как драматических внутренних политических потрясений, всегда имеющих негативные экономические последствия для народа, так и внешнего отторжения, также имеющего долгосрочные негативные экономические последствия. Естественно, что в других странах баланс факторов, составляющих существо этой модели, будет, скорее всего, отличным от наблюдаемых в Японии, Сингапуре, Индии, на Тайване, в Китае и других странах, подобно тому, как соотношение факторов является различным и в самих этих странах по сравнению друг с другом.